

Книги Антона Демченко
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПЫЛАЮЩАЯ ПОЛНОЧЬ
ПЕПЕЛЬНЫЙ РАССВЕТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНТОН ДЕМЧЕНКО

ПЕПЕЛЬНЫЙ РАССВЕТ

РОМАН

Москва, 2020
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д30

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1228

Художник
В. Федоров

Демченко А. В.
Д30 Пепельный рассвет: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 282 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-3126-7

Умереть... дважды. И дважды возродиться в мире, пережившем натуральный апокалипсис. Что это, везение или насмешка Фортуны? Ответ на этот вопрос, как и на многие другие, герою придется искать самому. В Проклятых пустошах и имперских городах, руинах древних столиц и на паркетах дворцов нынешней знати. Везде, куда занесут его судьба и приключения.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Демченко А. В., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3126-7

ПРОЛОГ

Жухлая серо-рыжая трава ходила волнами под порывами иссушающего ветра, а когда тот стихал, замирала в неподвижности, и над долиной вновь поднималось мутное марево дрожащего от жара воздуха, щедро сдобренное оседающей на землю вездесущей серой пылью, колкой, неприятно раздражающей любое живое существо. Наверное, именно поэтому таких здесь давно уже не бывало. Даже искаженные Тьмой твари обходили стороной это мертвое место, раскинувшееся в предгорьях безымянного хребта, чуть ли не в самом центре Проклятых Пустошей.

Но сейчас здесь что-то изменилось. В безветренной тишине отчетливо слышался шорох камней, мерный стук и чуть приглушенный звук шагов. Медленных, но уверенных.

Путник шел через долину, опираясь на длинный посох, не скрываясь и не торопясь, словно и не находился в глубине пугающих всякого разумного Пустошей, а гулял по императорскому парку Нойгарда. И если спокойствие пересекающего долину человека можно было списать на опыт ходока, привычного к прогулкам по Искаженным землям, то неторопливый шаг и отсутствие какой-либо настороженности в движениях выбивались из ряда вон. Даже самые опытные и знающие специалисты по охоте на темных тварей не могут позволить себе такое беспечное поведение в Пустошах. Но этому человеку, очевидно, было плевать на возможные опасности. Он продолжал идти вперед, опираясь на звонко бьющий в землю посох и поднимая за собой целые облака серой пыли, словно вообще не боялся привлечь внимание возможных обитателей здешних мест... А ведь он не мог не понимать, что если даже сама долина пуста, то окружающие ее холмы предгорий полны порождений Тьмы, способных похвастаться не только хорошим слухом, нюхом на «дичь», но и великолепным зре-

нием, позволяющим легко заметить одинокую фигуру, бредущую по поросшей ломкой травой долине.

Раздавшийся где-то за спиной путника вой эхом ударился о камень скал и, заметавшись в холмах, удвоился, утроился... Бредни, самые распространенные жители Искаженных земель, оказались первыми из обитателей предгорий, увидевших потенциальную добычу. И они постарались тут же ее «за столбить», угрожающим воем предостерегая возможных конкурентов от попыток встрять в их охоту.

Услышав леденящий душу вой, путник замер на месте и... растянул губы в белозубой улыбке, довольно дико смотревшейся на припорошенном серой пылью лице, резкие, но не грубые черты которого, казалось, были высечены из камня. А предвкушение, мелькнувшее в сияющих глубокой синевой глазах, любому разумному наблюдателю показалось бы и вовсе не уместным. Оглядевшись по сторонам и чему-то довольно кивнув, человек положил на землю свой набитый под завязку заплечник и, скинув не по погоде теплую, блестящую хорошо выделанным мехом куртку, бросил ее поверх своей ноши. Оставшись лишь в просторной рубахе из беленого льна и кожаных штанах, он уверенно топнул каблуком сапога по земле, перехватил двумя руками посох и, вскинув голову к небу, неожиданно завыл в ответ, да так, что вмиг заглушил голоса бредней. Минутное молчание было ему ответом, а потом из-за ближайших холмов выметнулась стая принявших вызов темных тварей и, не сбавляя хода, устремились напрямиком на путника.

Черный посох щелкнул, провернувшись в руках изготовившегося к бою человека, и, блеснув невесть откуда взявшимся листовидным клинком, с ходу вонзился в пасть летящего на него вожака бредней. Хрип, визг и разлетающиеся в стороны капли черной смрадной крови заставили искаженных Тьмой псов притормозить, чтобы не оказаться сбитыми мертвым телом, кувырком полетевшим им под ноги. Прянув в стороны, вызванные на бой твари закрутили привычную карусель, раздвигая внимание путника. Привычная тактика. Вот один из бредней рванул вперед и тут же отскочил, едва избежав удара пятой превратившегося в копые посоха, а следом за ним и другой, раззявив вонючую пасть, бросился на обороняющегося двуногого... тяжело захрипев, рухнул мордой в траву, пятная ее кровью из распоротого брюха. Почуввав отвратительную вонь вывалившихся на землю сизых потрохов,

бредни словно взбесились, и долина потонула в вое и рычании мечущихся тварей, пытающихся достать верткого двуногого противника, который так легко и, кажется, даже лениво отмахивался от них своим странным копьём. Вот только после каждого его, кажущегося таким небрежным, взмаха твари одна за другой выбывали из боя, отлетали кувырком и замирали в неподвижности или просто падали на месте как подрубленные и больше уже не поднимались. Последнего, девятого бредня путник насадил на широкий клинок своего копья-посоха и, перекинув пса через себя, впечатал в землю. Тварь конвульсивно дернулась и застыла, вперив взгляд остекленевших глаз в бескрайнюю синеву неба.

— Вот и мясо на ужин, — хриплым голосом протянул путник, оглядев место устроенного им побоища. Посох в его руке щелкнул вновь, и клинок в наверху скрылся в прорези, будто лезвие складного ножа. — Не бог весть что, конечно, но все же лучше, чем эти осточертевшие выдры.

Насвистывая незатейливый мотив, человек достал из валяющегося на земле заплечника небольшой мешок и флягу, после чего извлек из ножен на поясе нож и начал обход бредней. Выбрав тварь поменьше, он тяжело вздохнул и, не теряя времени, принялся за разделку туши молодой самки. Исходя из его опыта, мясо у той должно было быть понежнее, чем у более крупных самцов. Ненамного, но, если замариновать как следует и хорошо пропечь в углях... должно получиться вполне съедобно.

Упаковав вырезку в изолирующий мешок, путник вымыл руки водой из фляги, убрал вещи и провизию в заплечник и, закинув его за спину, как ни в чем ни бывало тронулся в путь. И вновь застучал по земле посох, зашуршали под ногами камни и пожухлая трава, а в небо опять взмыли облака вездесущей серой пыли, отмечая путь странного ходока, уходящего все дальше и дальше от освоенных людьми земель. Прочь от империи Нойгарда и королевства Ниeman, прочь от Южных и Северных Роман, от Церкви Света и рыцарских орденов, владельцев и обывателей, дворян и ходоков. Туда, где, по мнению подавляющего большинства жителей освоенных земель, нет ничего, кроме Тьмы и ее порождений. На восток.

Часть первая

ЖИВЕЕ МЕРТВОГО

ГЛАВА 1

В щель закрывающегося прохода еще несколько секунд можно рассмотреть силуэт человека, выходящего из пещеры. Но время истекает и щель смыкается, оставляя меня в полной темноте. Она абсолютна. Даже самой безлунной и облачной ночью в лесу не бывает так темно, как здесь и сейчас. Мертвую тишину разрывает мой первый судорожный, хриплый вздох и... я просыпаюсь.

Сон. Снова этот сон-воспоминание, и опять я вскакиваю с узкой кушетки, едва услышав свой собственный первый вздох... в этом теле. Моем новым и полностью личным теле, которое не приходится делить с его первым «собственником». Спасибо «черной благодати». Ха!

Осознание этого факта, как, впрочем, и всегда, вызывает у меня довольную улыбку и напрочь смывает раздражение от привычного до занудности сновидения. Потянувшись, я обвожу взглядом свое пристанище и, тряхнув тяжелой от долгого сна головой, встаю. Меня ждет душ, завтрак и... терминал в учебном отсеке. А, еще тренировка! Полученное в результате дичайшей авантюры, тело нужно не просто поддерживать в достойном состоянии, но и развивать, я ведь намерен пользоваться им не один десяток лет. Впрочем, это не такая уж проблема. Спасибо прежнему владельцу, он не чурался физических нагрузок, да и тренировки, проводившиеся им под началом Миола Скалы, сделали свое дело. А еще спасибо старому Вурму за его эликсир и те возможности, которые он мне подарил.

Как повторял за своим дедом мой бывший носитель: «Черная благодать — это квинтэссенция Тьмы, ее высшее проявление». А первым признаком влияния Тьмы является искажение. Недаром же захваченные ею земли именуют Искаженны-

ми. Вот и со мной происходит то же самое. Уже сейчас, спустя каких-то полгода после «переселения», это тело, пропитанное эликсиром, совершенно не похоже на того ушлого бароненка, что завел нас с Димом в ловушку. Тьма влияет. Искажает. И я, честно говоря, искренне рад, что догадался, как можно контролировать эти искажения, точнее, направлять в нужную сторону. Нет-нет, никакого мысленного контроля и прочих «радостей» авторов-фантастов. Все куда прозаичнее. Тренировки. На силу и скорость, на выносливость и пластичность, на реакцию и мышление. Благодаря эликсиру, тело стало чрезвычайно податливым, я бы сказал, что скорость его приспособляемости выросла на порядки. Во всех аспектах. И подчас это пугает. Почему?

Ну, как пример, сейчас мне приходится делать довольно частые дневные вылазки на поверхность, а в самом комплексе я вынужден держать включенным свет на полную мощность, хотя бы в обжитой его части. А все потому, что мои глаза довольно быстро привыкли к полумраку, царящему в скучных, обитых невзрачными серыми панелями коридорах... Да, поняв, что могу свободно видеть в еле освещенных помещениях базы, я был рад. Как же, мне ведь теперь не нужны никакие приспособления вроде очков Дима, или зелий, чтобы видеть ночью как кошка. Радость была недолгой. До первого внимательного взгляда в зеркало, если быть точным. Огромные кошачьи глаза на человеческом лице — это ни фига не красиво! Дерьмо! Да я едва не навернулся, увидев свое отражение со светящимися в полутьме зрачками! А уж размер самих глаз... я полмесяца убил, прежде чем они вновь стали человеческими. Да и то не совсем. Радужка так и осталась желто-зеленого цвета, а зрачки... В темноте они продолжают светиться, пусть и не так ярко, как раньше, а на свету сужаются до точки, естественно. Ну, хоть по-кошачьи в нитку не вытягиваются, и то хлеб.

В общем, именно после этого нечаянного эксперимента со зрением я стал уделять больше времени и сил тренировкам собственного тела, нежели изучению доставшегося мне «по наследству» комплекса. Впрочем, и здесь было исключение. В одном из секторов, на которые была разбита база, я обнаружил нечто, что можно было бы назвать библиотекой... или, скорее, учебным отсеком. Это было небольшое помещение с металлопластиковой мебелью, высокими, забитыми под завязку шкафами, и тремя на совесть законсервированными

терминалами, справиться с подключением которых смог бы и ребенок. Ну, конечно учитывая наличие инструкции по этому процессу, буквально выплавленной на поверхности одного из стоящих в комнате столов. Да уж, основатели этого комплекса были весьма предусмотрительными людьми, явно предполагавшими возможность деградации потомков. Ничем иным такую заботливость я объяснить не могу.

Включить один из терминалов оказалось недолго. Правда, пришлось, следуя все той же инструкции, распотрошить один из шкафов, в котором нашлись уложенные в вакуумные упаковки сменные модули для вышедших из строя блоков компа. Вот тогда я окончательно убедился в прозорливости бывших хозяев базы. В моем распоряжении оказался не просто рабочий комп ушедшей эпохи, а натуральная библиотека, хранящая огромное количество информации по самым разным направлениям. Мало того, она еще и была разбита на уровни, от начального — «школьного», до продвинутого — «университетского». Собственно, это даже была не разбивка, а полноценные учебные программы, насколько я могу судить по структуре и подаче материала. А ведь были еще и кристаллы в шкафах, дублирующие содержимое терминала. Повторюсь: владельцы комплекса были очень, очень предусмотрительными людьми.

И эту находку я включил в свой тренировочный процесс. Нет, я вовсе не стремлюсь знать все обо всем. Но после некоторых наблюдений за единственным живым подопытным в этом комплексе, то есть за собой, любимым, пришел к выводу, что тренировать нужно не только тело, но и разум, если, конечно, я не хочу превратиться в безмозглую темную тварь. Не знаю, возможно ли это, но опасения имеются. Приспособляемость организма штука такая... мало ли, как может обернуться. Сочтет Тьма, что такому сильному, быстрому и живучему организму мозги ни к чему, и амба. Посему лучше я буду тратить часть свободного времени на учебу, чем на бессмысленные хождения по заброшенной базе давно исчезнувшего ордена Пятикрестника... которую к тому же за прошедшие полгода я и так уже облазил сверху донизу.

Впрочем, это не единственная причина, по которой я вцепился в древний комп и его обучающие программы. В комплексе просто дико скучно, и на одних тренировках да вылазках за мясом гумпов я долго не протяну. Сдохну от тоски. Уйти в

освоенные земли? Можно было бы, если бы не пара проблем. Первая — мое продолжающее изменяться тело, демонстрация которого незатейливым жителям той же империи Нойгарда почти наверняка приведет к смерти «мерзкого колдуна-перевертыша». А вторая — причина этих изменений. «Черная благодать», позволившая мне занять тело Пира Граммона, вышвырнув сознание этого сученыша в Ничто, слишком основательно пропитала организм, и ее концентрация падает крайне медленно. Судя по проведенным замерам, до того счастливого момента, когда я смогу явиться в освоенные земли без риска оказаться на костре, как темная тварь, придется ждать не меньше года. Если процесс не ускорится... или, наоборот, не замедлится. Неприятная перспектива, м-да.

Чуть поколебавшись, я покосился на висящий в шкафу единственный имеющийся у меня комплект «приличной» одежды и, вздохнув, открыл другую створку. Вещи «с поверхности» нужно сохранить хотя бы до первой вылазки в освоенные земли, а для базы сойдут и вытащенные со здешнего склада легкие комбинезоны из неизвестного мне, но весьма прочного, судя по уровню сохранности, материала. Вот с обувью — хуже. Уж не знаю, по какой причине, но прошлые владельцы комплекса отчего-то не озаботились создать ботинки из того же материала, что и комбинезоны. Найденные там же, они рассыпались в труху, стоило мне взять обувь в руки. А может, дело было в том, что ботинки, в отличие от комбеза, хранились без вакуумной упаковки? Кто знает...

Как бы то ни было, чтобы вконец не убить единственную имеющуюся у меня пару нормальной по здешним меркам обуви, мне пришлось вспомнить кое-что из умений Дима. Вообще-то из выделанного меха гумпов обычно шьют весьма крепкие на удар куртки. Конечно, тот же жвалень раздерет такую защиту одним взмахом лапы, но в мире вообще почти нет доспехов, которые могли бы выдержать атаку этой твари. Но в остальном «стальной» мех гумпов, пожалуй, даст фору любой другой защите сравнимого веса. И да, именно из меха этих бесхвостых выдр я и сделал себе «домашнюю» обувь. Получились вполне себе симпатичные меховые тапочки, удобные и ноские. Выглядят, конечно, несколько потешно, но на ноге сидят хорошо и движений не стесняют. Я в них даже тренируюсь, и скажу честно, они оказались прочнее комбеза. По крайней мере, мне так ни разу и не удалось их порвать. А вот

одежду... одежду пришлось менять уже дважды, и это с учетом моих вполне неплохих умений в области штопки, доставшихся, как легко догадаться, все от того же Дима. Он, вообще, очень много мне дал, и я искренне благодарен этому шалопаю. Встретимся, напою до изумления!

Покинув спальню, я направился по кольцевому коридору, опоясывающему весь комплекс, в холл, где расположены огромные запертые ворота, открыть которые мне удалось, а вот выйти через этот проход на поверхность, увы, не получилось. Завал. Но сейчас меня интересовал не обрушенный шлюзовой коридор, а сам холл перед ним. Очевидно, при постройке базы через холл завозили необходимую технику и оборудование. Это самое просторное помещение на базе, и именно его я использую для физических тренировок. Здесь куда просторнее, чем даже в спортзале, найденном мною в жилой части комплекса. Там потолки низковаты, а учитывая появившуюся у меня привычку во время тренировок забегать на стены... в общем, в холле это делать куда удобнее. Да и с фальшионом, доставшимся «в наследство» от Граммона, по настоянию Миола Скалы, все же сменившего свою шпагу на более удобное в походе оружие, там можно развернуться, не рискуя задеть сталью какой-нибудь тренажер. Был уже печальный опыт, беговую дорожку пришлось разбирать и вытаскивать на склад по частям, слишком хрупкая оказалась. Благо в складском отсеке вдоволь места для хранения. Он, вообще, выглядит так, словно его когда-то нехило разграбили, причем неспеша и с толком.

Честно, я не знаю, что рассчитывали здесь найти бароненок с его подельниками, но они явно ошиблись адресом. Да, подземный комплекс относится к тому же времени, что и пресловутые автоматические заводы, производящие, например, те же планшеты, называемые ходоками «справочниками-бестиариями». Об этом говорит оснащение и техника, размещенные на базе, но в остальном... в остальном это обычный жилой комплекс, просто загнанный под землю. Да, защищенный, да, предназначенный для того, чтобы пережить апокалипсис и ядерную войну вместе взятые, и судя по всему, вполне справившийся с этой задачей. Но это именно убежище, причем весьма аскетичное, а не какая-нибудь фабрика или хранилище артефактов прежних времен. К тому же когда-то уже основательно почищенное. В общем, как говорилось... где-то и кем-то: «Все уже украдено. До нас».

Единственная достойная вещь, которую я смог обнаружить, облавив весь комплекс, включая технические помещения: все та же библиотека в учебном отсеке, состоящая из тысяч прозрачных призм, хранящих в себе чудовищное количество самой разнообразной информации. Но я сильно сомневаюсь, что Граммон со товарищи прибыли именно за ней. Ну не похожа их компания на записных исследователей и двинутых ученых, и даже на наемников, работающих на таких исследователей прошлых времен. Достаточно вспомнить о присутствии в этой компании Ласки Ройн, а она, на секундочку, не только ходок Ленбурга, но и дочь главы Торговой Палаты этого города. Скорее я готов поверить, что Ройны решили подзаработать на торговле с Ниеманом все теми же артефактами «Пятикрестника». Правда, в этом случае господа конкретно так обломались... но они об этом, пожалуй, даже не узнают.

Закончив утреннюю тренировку, я, довольный и запыхавшийся, отправился в душ, а оттуда на кухню. Завтракать. Да, в комплексе, несмотря ни на что, до сих пор работает система водоснабжения... и не только она. Утилизация отходов? Пожалуйста. В одном из технических отсеков под жилой частью комплекса, находится солидный такой полимерный бак, в котором все биологические отходы довольно быстро превращаются в техническую воду и что-то похожее на гранулированный собачий корм... по виду. И то, и другое, как следует из инструкции, можно использовать в садовой зоне. Воду для полива, а «корм» вместо грунта. Как и за счет чего происходит разложение, я толком не разобрался. Единственное, понял, что в процессе как-то задействовано внутреннее покрытие того самого бака. Черная и плотная губчатая масса. Никогда не видел ничего подобного.

Вообще, технологии, применяемые в комплексе, мне... не то что незнакомы, но кажутся необычными. Какой-то сплав высокотехнологичных «вечных» материалов, простейшей механики и несложной физики. Отопление за счет тепловых насосов, освещение, построенное на естественной светимости каких-то, то ли мхов, то ли грибов, растущих в прозрачных трубках, укрепленных на подволоке. Открываешь вентиль подачи воздуха, и они светятся ярче, завернешь вентиль, и через несколько секунд почти полностью гаснут. Магия? Биология! Но напроць мне непонятная. А еще я так и не разобрался, откуда берут энергию для работы те самые пресловутые терми-

налы и за счет чего работает плита в кухонном блоке. Впрочем, я так же не помню, чтобы Дим искал, куда воткнуть зарядку для своего «бестиария»... вот уж где загадка из загадок.

За раздумьями я не заметил, как добрался до кухни, и, лишь спустившись в ледник, опомнился. Оглядевшись по сторонам и передернув плечами от забравшегося под одежду холода, я подхватил с одного из крюков остатки кабаньего окорока, и поспешил обратно в жилую часть комплекса.

Вот уже полгода я испытываю практически непреходящее удовольствие от самого факта наличия у меня настоящего собственного тела. Каждое движение, прикосновение, аромат... все это доставляет мне истинную радость. Но кто бы знал, как мне надоела мясная диета из гумпов и изредка забредающих в эти места черных кабанов! В окрестностях убежища просто нет другой еды, а экспериментировать с измененными растениями я не готов. И дело не в моей трусости. Просто я очень хорошо помню лекции старого Вурма, а он прямо-таки вдальблывал в голову моего носителя простую истину: если искаженные твари под воздействием Тьмы поголовно превращаются в кровожадных хищников, то все без исключения травы, кустарники, ягоды и грибы, выросшие в Пустошах, — ядовиты, и употребление их в пищу без специальной и долгой обработки, доступной лишь в лабораториях, грозит если не смертью, то сумасшествием. В общем, связываться с «сеном» я не рискую. А мясо тварей уже набило оскомину. Эх, только и остается радоваться рыбке, которую иногда удается отбить у бесхвостых выдр. Но это бывает так редко...

Покосившись на шмат мяса, притащенный из ледника, я взялся за нож. В три взмаха разделив кусок на части, не удержался и слизнул потек мясного «сока» с матово-черной стали охотничьего ножа. Язык невольно задел подросшие клыки, и я печально вздохнул. Не вампир, конечно, но, когда выберусь в обжитые места, смеяться мне, кажется, придется пореже. Во избежание.

От досады, я слишком сильно ударил по окаменевшему куску соли, найденному в шкафу, еще при первом обыске кухни и, тихо выматерившись, полез собирать разлетевшиеся по полу осколки. Негигиенично? А что делать? Запасы сего ценного продукта мне пополнить неоткуда, так что, либо так, либо жрать мясо без соли. Нет, есть еще, конечно, вариант с вылазкой на поверхность и поиском солончаков,

но это — затея на самый крайний случай. Столкнуться с багровыми оленями, известными охотниками до соленья, мне хочется еще меньше, чем сойтись в схватке с серым скальником или жвальнем. В последних двух случаях, возможность выжить хоть как-то просматривается, а багровый олень — это верная смерть для ходока-одиночки. Рогатая тварь весом под тонну, отличающаяся толстой, непробиваемой шкурой и упрямством, которому позавидовал бы самый строптивый осел, если учует нарушителя, забравшегося на ее территорию, будет преследовать его, пока не догонит и не растопчет в кровавый блин, который потом благополучно и слижет. Учитывая же, что скорость хода у этого злопамятного гада не меньше, чем у хорошего дарагонского скакуна... погоня будет недолгой. Так что, лучше я соберу всю рассыпавшуюся соль с пола, аккуратно ее переберу и ссыплю в отдельную банку. Все проще, чем воровать эти белые кристаллы у жадных рогатых тварей.

После сытного, но однообразного завтрака я отправился в учебный отсек. Сегодня у меня на очереди новый предмет — география. Подозреваю, правда, что в связи с прокатившимся по планете катаклизмом, имеющиеся в библиотеке данные несколько потеряли в своей актуальности, но... собственно, я ведь и выбрал эту дисциплину для легкой разгрузки. Уж очень напряженными были эти месяцы, в течение которых я вгрызлся в гранит науки, вспоминая школьную программу... и не только.

Помню, как я радовался проснувшимся воспоминаниям. Не все вспомнил, конечно, далеко не все. Но даже информация о том, как звали одноклассницу, когда-то сидевшую со мной за одной партой, уже приводила в восторг. Ведь это значило, что у меня есть немалый шанс вспомнить всю свою прошлую жизнь, казалось забытую навсегда!

Да, я не стал дробить внимание, пытаюсь читать материалы по нескольким дисциплинам разом, и сосредоточился на последовательном изучении предметов. Именно поэтому, в первые пару месяцев мне удалось «освежить» свои познания здешнего «общего» языка, и убедиться в их достаточности на примере неорганической химии. А вот от «органики» я шарханул как черт от ладана. С прошлой жизни ее терпеть не могу. Следующие два месяца ушли на углубление «в дебри» школь-

ного курса биологии и анатомии, а оставшееся время было потрачено на физику и математику того же уровня. Вот последние два предмета меня и умотали. Ну не технарь я... кажется.

Именно поэтому, следующим предметом мною и была выбрана география. С одной стороны — да, облегчение для разума, а с другой — это, все же, новая информация, которую мозг должен воспринять с куда большим интересом, нежели зубодробительные математические формулы.

Усевшись за терминал, я ткнул кнопку включения под белоснежным экраном, и на нем высветилась уж знакомая надпись: «Идентификация».

Извлечь из-под застежки комбеза висящую на шее пластинку-артефакт, заброшенную Димом в закрывающийся проход запасного выхода с базы, следом за телом бароненка, и расположить ее так, чтобы она оказалась напротив белого поля терминала. Экран мигнул и высветил следующую, не менее знакомую надпись, в очередной раз заставившую меня еле заметно улыбнуться: «Идентификация завершена. Библиотекарь Ордена приветствует Вас, шестнадцатый наследник рыцаря Цепи Грэхэма Монта. Подтвердите свой рыцарский статус».

Да-да, бывший владелец этого тела оказался прямым потомком члена уничтоженного Ордена Пятикрестника. Собственно, имя Грэхэм Монт и фамилия «Граммонт», как бы намекают. Жаль, я не знаю, как «подтвердить рыцарский статус» и, махнув рукой, заставляю экран еще раз сменить текст.

«Статус не подтвержден. Доступ к информаторию ограничен правилами и уставом Ордена».

Не страшно. Мне нет дела до тайн давно сгинувшей в веках организации. Обучающие материалы терминал выдаст без проблем, а большего мне и не нужно... пока.

Интерфейс компа логичен и интуитивно понятен. Разыскать нужную информацию в нем, проще простого. Так что, не прошло и пары минут, как я открыл нужный раздел и вывел на экран обзорный курс географии... для младших классов. Бесит, конечно, а что делать? Просмотреть более продвинутые материалы я смогу, лишь справившись с тестами, поочередно, для младшей и средней школы, информация о сдаче которых будет внесена на пластину-идентификатор на моей шее. Как? А черт его знает.

Наконец, экран мигнул, и на нем появилась заставка обучающей программы, яркая, веселая, как и положено детской «обучалке». Я вздохнул и... замер. Перед моим взором, на экране терминала медленно вращался классический глобус. «Чучело планеты» с до боли знакомыми очертаниями материков. Твою ж дивизию! Да как так-то?!

ГЛАВА 2

Сколько времени я вглядывался в анимацию безмятежно крутящегося бело-голубого шарика на экране терминала, сказать не могу. Просто впал в ступор и пребывал в этом состоянии до тех пор, пока в голове не промелькнула одинокая и оттого чрезвычайно звонкая мысль: «Не срастается».

Химия — названия элементов в здешней периодической таблице ни единым словом не напоминают известные мне по... прошлому миру. Собственно, и сама таблица здесь ничего имени не носит.

Физика — та же петрушка. Формулы и законы не могут похвастаться какими-либо громкими именами. Как, кстати говоря, и единицы измерения. С ними, вообще, все довольно скучно. Сопротивление так и именуется сопротивлением, а напряжение — напряжением. Никаких «ом», «вольт» и прочих «ампер». Есть отдельные «закорючки», обозначающие каждая свою единицу измерения, но на этом и все. Собственно, вспоминая свой «пробег» по местной физике, вынужден признать, что самой сложной частью этого предмета для меня стал процесс запоминания этих символов. Но и только. Вообще, вспоминая ту же алгебру с геометрией, можно сделать заключение, что местные ученые либо не обладали соответствующими амбициями, либо у здешнего человечества просто не было привычки присваивать имена первооткрывателей их открытиям... что, на мой взгляд, несколько странно. Правда, возможен и еще один вариант: кто-то осознанно вымарал эти имена. И не просто вымарал, но и провел гигантскую работу по редактированию всех учебных и научных материалов. Но это... это уже пахнет конспирологией. А мне нынче только теорий заговора и не хватает, конечно.

Кстати, есть же еще кое-что, способное развеять мои подозрения. История! Я ведь видел среди обучающих программ и

этот предмет. Может, стоит сначала взяться за него, а потом уже смотреть материалы по местной географии? Наверное, так и поступлю. Просто потому, что в противном случае мне грозит смерть от острого приступа любопытства, м-да.

На добрых три недели я оставил все занятия, кроме, пожалуй, охоты на гумпов для пополнения запасов, и погрузился в обучающие программы по истории. К концу третьей недели я дошел-таки до уровня выпускных классов, сдавая тесты на сплошные «удовлетворительно», но, наконец, закончив этот идиотский марафон, сам оказался совершенно не удовлетворен его итогами. И даже не потому, что узнанные мною исторические факты ничего не всколыхнули в воспоминаниях. Это было ожидаемо и понятно задолго до окончания курса. Но сама история разочаровала. Ордены, рыцари, понтифики, дворяне, короли и прочие великие и не очень герцоги. Сражения, договоры, разделы земель и их объединение. Сухо, по датам и малоинформативно. Никакого анализа, никаких объяснений. Дети, запомните, было так-то. А почему и отчего, то не вашего ума дело.

Вообще, если верить прочитанному, то вся жизнь этого мира крутилась вокруг противостояния различных рыцарских орденов, часть которых была, пожалуй, могущественнее иных государств. Вся история мира подавалась в учебнике через призму орденского мировоззрения... ну, насколько куцее описание войн, союзов, оборон и завоеваний вообще можно «подать». И, тем не менее, почти в каждой строчке скудного текста в головы учеников чуть ли не молотком вбивалось уважение, если не преклонение перед орденами, а особенно к тому, что несет на своем гербе пять алых крестов. Да, если и был хоть какой-то полезный эффект от моего трехнедельного забега по истории, то это название ордена, в убежище которого я, собственно, сейчас и нахожусь. Нет, были иные пересечения с историей моего мира, но их можно отнести к сходству развития человечества... А вот встретить здесь название рыцарского ордена, созвучное имени известной мне по прошлому миру организации, было странно.

«Рыцарский Орден Святого Креста Иерусалимского», именно так назывался «Пятикрестник» до его уничтожения. Очень похоже на «Рыцарский Орден Святого Гроба Господнего», существовавший и процветавший в моем прошлом мире.

Чрезвычайно богатый, сверхвлиятельный и очень закрытый орден. Это я точно помню.

И ведь что интересно: в учебных материалах по здешней истории я не встретил ни одного упоминания какой-либо религии. Вообще. Ни ислама, ни буддизма, ни христианства, про политеистические культы и вовсе молчу. Но это ничуть не мешало созданию рыцарских орденов и международных организаций, которые иначе как Церквями, собственно, и не звались. Да и фактически повальное их увлечение крестами в эмблемах и гербах наводит на подозрения в вымарывании религиозной стороны жизни общества из истории.

Вот такой вот оксюморон. Церковь есть, религии нет. Вообще. Муть? Абсолютная. Но в учебниках истории на полном серьезе подается материал, исходя из которого, можно сделать вывод, что могущественные церковные организации выступали лишь в качестве системы... морального контроля, если можно так выразиться. Ну да, а чтоб старания князей Церкви не остались пустыми благопожеланиями, они вооружились мечами многочисленных рыцарских орденов. Ведь всем известно, добрым словом и пистолетом можно добиться куда больше, чем одним добрым словом. Это историческое описание напоминает мне нынешнее положение Церкви в освоенных землях. Сколько раз ни бывал я в Ленбургском Доме, ни разу не слышал от его служителей призывов к богу, а вот к добродетели и сражению со злом они призывают непрестанно.

С одной стороны, вроде бы вполне логичное продолжение истории, если предположить, что Церковь и ордены пережили сотрясший мир апокалипсис и продолжили свою деятельность в прежнем виде. С другой же... на мой взгляд, в изложении имеющих в моем распоряжении учебников истории, напрочь отсутствуют хоть какие-то предпосылки, что послужили основанием для самого создания этих организаций. Хотя бы такие, как нынешняя Тьма. О ней, кстати, в учебниках тоже нет ни слова. Ничего подобного известным мне Походам Света, никаких «великих битв со злом». Все это может свидетельствовать только об одном: во времена, когда создавались такие организации, как Церковь, этой самой Тьмы не было и в помине. В противном случае, при той скрупулезности, с которой исторические учебники повествуют о свершениях тех или иных орденов, таким подвигам просто обязательно уделили бы изрядное количество текста. Ведь это ж нагляд-

ная агитация! А ею от учебников и так прет за милую, как от жвальня Тьмой в период гона. Не могли бы авторы обойти эту тему стороной. Впрочем, возможен и другой вариант. Например, то, что сейчас пафосно зовется «Великим Злом», «Тьмой» и «Скверной», в прошлом воспринималось как нечто незначительное, вроде мелкой детской пакости, или это самое «Великое и Ужасное» просто так таилось, что в него никто не верил. В учебниках же могут врать, могут преуменьшать или преувеличивать, толковать события, как угодно автору, редактору и заказчику, но включать в обучающие материалы сказки-побасенки никто не станет... если это, конечно, не учебник филологии.

В общем, чем больше я читал, тем печальнее складывалась общая картинка. Слишком много схожего в этом и прошлом мирах, но еще больше различий между ними. А изучение здешней катастрофически — точнее не скажешь — устаревшей географии, удивившей меня количеством знакомых по прошлому миру названий, и вовсе привело к одному-единственному «ленивому», потому как не требующему особого напряжения мысли, выводу. Нужно принять этот мир как параллельный моему прошлому. И воспоминания, пусть и несколько обрывочные, о прочитанных когда-то фантастических и фэнтезийных историях, мне в помощь.

Чтобы пополнить запасы еды в убежище, я время от времени выбирался на поверхность. Заодно и голову проветривал, а то от поступающих сведений она порой раскалывалась от боли. Вот и в этот раз я решил не терять время зря, валяясь на кушетке и по сотому кругу прогоняя одни и те же мысли, а решил прогуляться по окрестностям базы, тем более что рядом, буквально за следующей грядой холмов, находится огромное поле красноглава, которому уже пора бы зацвести. Да и вообще, неплохо было бы пополнить запасы ингредиентов для зельеваров и алхимиков, чтобы было что предложить «белым цехам», когда выберусь в освоенные земли. Тот мир или этот — без денег среди людей делать нечего. Эх, мне бы еще приличный инструмент для обработки добычи, но чего нет, того нет. Придется обходиться той добычей, что не требует серьезной обработки... и шкурами гумпов. Тоже немалый прибыток должен выйти. Уж шубки бесхвостых выдр я выделять приновился, да так, что любому ленбургскому скорняку форы

дам. Наверно. Ну, по крайней мере, мне собственные изделия нравятся. Тапочки так вообще великолепные вышли.

Подземный комплекс «Пятикрестника» когда-то имел три шлюза. Первый — основной с выходом в огромный холл, ныне служащий мне тренировочным залом. Этим входом мне не воспользоваться, поскольку он оказался завален. Второй шлюз — запасный выход, расположен в почти полностью опустевшем складском секторе. Именно в этот шлюз Дим забросил бароненка, и именно там я окончательно занял свое нынешнее тело, попутно чуть не сойдя с ума от окружавшей меня тишины и темноты. Мне понадобилось немало времени, чтобы освоиться со своей физической оболочкой, и не меньше, чтобы разобраться с открытием дверей этого шлюза. И третий вход я использую чаще всего. Он расположен на техническом этаже комплекса и ведет в узкую долинку меж холмов, на одном из которых я организовал неплохой наблюдательный пункт, с которого открывается замечательный вид на речку гумпов и пещеру. Осторожность — наше «все». Местоположение входа в комплекс известно ведь не только Диму и его замороченной подружке, но и рыцарю Томвару, а значит, Томарскому ордену и Церкви. А показываться на глаза представителям этих двух организаций, если они вдруг сунутся в эти места, мне пока не с руки. Зашибут ведь, как искаженную тварь, и имени не спросят. А я, может быть, только жить начинаю!

В общем, и в этот раз я перестраховался и вылез на поверхность техническим ходом. А когда поднялся на свой НП, понял, что не прогадал. Выберись я сейчас из второго шлюза, и оказался бы прямо среди бивака, разбитого незваными гостями прямо в пещере. И ведь им не откажешь в предусмотрительности. Гумпы в зев практически не суются, уж не знаю почему, а наблюдать за единственным подходом куда сподручнее, нежели выставлять охранников вокруг стоянки, в надежде, что те сумеют не проморгать какую-нибудь особо наглую темную тварь, подбирающуюся к людям.

Застыв на месте, я следил за передвижениями «гостей», и только зубами тихонько скрипел, когда от речки доносился очередной азартный возглас. Эдак они всех выдр здесь перебьют. Сволочи! Моя еда, мои шкурки, мои ингредиенты! Зла не хватает.

В принципе, чего-то подобного стоило ожидать. И нет, я сейчас имею в виду не охоту на моих гумпов, а сам визит

компании искателей в эти края. Более того, я искренне удивлен, что таковой не произошел раньше. В конце концов, Дим со товарищи свалили из пещеры больше полугода назад. Да за это время в моем прошлом мире заинтересованные лица уже не одну экспедицию бы снарядили. А тут... хотя здесь вообще живут значительно медленнее, неторопливее, я бы сказал. Так что, может, этот срок не так уж и велик по местным меркам. М-да. Но вопрос-то на самом деле в другом, а именно: сколько мне придется терпеть это неприятное соседство? А то мне очень не хотелось бы пересечься с «гостями» на узкой тропке. Все-таки ввиду пока еще истекающей «тьмы» я просто не готов к общению с людьми... точнее, они со мной. А риск такой встречи довольно велик. Несмотря на то что, покидая убежище, я каждый раз старательно применяю все известные мне из памяти Дима приемы, чтобы не оставлять лишних следов, гарантировать, что ушлые гости не смогут обнаружить что-то эдакое, не могу. Все же умения хоюза больше рассчитаны на особенности восприятия тварей Пустошей, а не на внимательность следопытов освоенных земель. И не выходить на поверхность я тоже не могу. Нет, дней десять—пятнадцать протяну на сделанных запасах, но потом все равно придется делать вылазку, и не одну. Жрать-то, как ни удивительно, хочется каждый день. А эти господа, судя по тому, как основательно они обустривают лагерь, собрались здесь поселиться надолго. Вот того, что им удастся взломать вход в убежище, я не боюсь. Там только первая шлюзовая дверь толщиной добрых полметра, да и вторая ей не уступает. А средств, чтобы вскрыть ТАКОЙ металл, я у гостей как-то не наблюдаю. В общем, если не применяют какую-нибудь сверхубойную алхимическую гадость, неожиданного визита я могу не опасаться в принципе. Но до того момента, когда это дойдет до «гостей», мне еще надо как-то дожить, желательно ни разу не попавшись им на глаза.

Небо над нами постепенно окрашивалось в розовые цвета, а я продолжал наблюдать за суетящимися у реки людьми и постепенно пришел к выводу, что среди ватаги из добрых двух десятков путешественников к хоюзакам можно отнести от силы трех-четырёх. Негусто на самом деле. Это ведь значит, что на каждого из этой четверки приходится по пять новичков, ничего не соображающих в деле, не умеющих и не знающих. Вспоминая возню Дима с легионерами и особенно с тем же Грамоном в Пустошах под Ленбургом, мне почти жаль несчаст-

ных ходоков, у каждого из которых висит на шее по четыре-пять человек балласта. Дворянского, а значит, весьма гонористого балласта, хочу уточнить. Почему «почти жаль»? Так ведь наверняка они сами вызвались, погнались за хорошим вознаграждением и вместо того чтобы набрать побольше проводников-помощников, пожадничали. Решили, что сами справятся. В общем, «почти» — не считается, так что пусть и дальше мучаются.

Собственно, информацию о жадности командира ходоков я получил, так сказать, из первых уст. Двое коллег моего бывшего носителя, патрулируя окрестности лагеря, прошлись фактически у меня над головой, и по пути обсуждали как раз именно эту неприглядную сторону своего начальства.

Отвлечись на разговор раздолбаев из патруля, я не сразу заметил происходящее в лагере. Внимание мое привлекла яркая вспышка в пещере, полыхнувшая так, что аж глаза резануло. А в следующий миг из черного зева на песчаный берег реки шагнул человек, которого прежде среди «гостей» я не наблюдал. От высокой худой фигуры в простой серой сутане с укороченным подолом так и фонило Светом. На миг я даже подумал, что у него, как и у Граммона при первой встрече с Димом, имеется при себе протекающий флакон с «жидкой благодатью». Я даже головой покачал, представив, какое количество тварей привлечет этот «маяк». Задолбаются ведь отбиваться от искаженных, идиоты!

Но спустя несколько секунд поток Света, излучаемый церковником, иссяк, будто его и не было. И только шум, поднятый охотниками, вынужденными отбиваться от полезших на них сплошной волной гумпов, напоминал о том, что подобные всплески Света в искаженных землях не проходят бесследно. Впрочем, уже через пять минут бесхвостые выдры вновь потеряли интерес к происходящему на берегу и вернулись в воду. Те, что уцелели после стычки с «гостями». А вот теперь настал черед охотников бурлить. Махач с внезапно озверевшими тварями явно не пришелся им по душе. Мало того, к церковнику, недоуменно вззирающему на происходящее, тут же подскочил один из оставшихся в лагере ходоков и поднял такой хай, что даже до меня долетали обрывки его мата. Бедненько, конечно, все же обценная лексика общего языка не обладает и десятой долей той красочности, что зна-

комые мне по прошлому миру русский или даже немецкий языки. Но тем не менее главарь банды ходоков, кажется, сумел донести всю глубину своего сожаления о непредусмотрительности церковника, решившего «поиграть» Светом в Искаженных землях. И кажется, святому отцу такая форма подачи информации совсем не понравилась. Иначе с чего бы он в ответ, тоже решил брать голосом?

Перепапка в лагере нарастала, и зрителей становилось все больше. В конце концов, в биваке собрались все участники экспедиции, кроме патрульных, продолжающих свой обход, да пары охранников, занявших наблюдательные посты на возвышенностях вокруг.

Церковник вопил что-то невнятное, то и дело размахивая руками и ожесточенно тыкая пальцем в грудь ходока. Тот не оставался в долгу, огрызаясь на собеседника рычащим басом, но в конце концов не выдержал и махнул рукой одному из только что выбравшихся из драки с гумпами охотников. Теперь к голосам двух спорщиков добавился еще и звонкий тенор бойца, ярко и эмоционально описывающего внезапную атаку водяных тварей, прежде индифферентных к присутствию двуногих. Святой отец отмахнулся и, перебив охотника, вновь завел свою волынку об уважении к представителю Церкви, точнее, о его отсутствии, и даже пригрозил ходоку Трибуналом.

Тот аж задохнулся от ярости, но едва попытался высказать все, что он думает о «городском идиоте, в жизни не выдавшем искаженных тварей», как оказался перебит прежде оставшимся в тени человеком.

Шагнувший в неровный круг света от костра широкоплечий мужчина в наряде наемника что-то тихо произнес, и все три спорщика моментально умолкли. К сожалению, из-за разделявшего нас расстояния я не расслышал, что именно сказал предводитель этой разношерстой компании, но, судя по поведению окружающих, среди них он пользовался непререкаемым авторитетом. Спорщики почти моментально разошлись в стороны, а я, поняв, что продолжения шоу не будет, печально вздохнув, пополз прочь от своего НП.

Казалось бы, какое мне дело до этого балагана? А внимал так, будто интересную театральную постановку смотрел. Вот что одиночество с людьми делает! Эх... Я и не думал, что так соскучился по общению. Хотя, если учесть, что, будучи «сосе-

дом» Дима, я мог общаться только с ним самим да изредка, при его же посредстве, с мастером Вурмом, а после переселения в тело Граммона и вовсе вынужден был разговаривать лишь сам с собой, и то только для того, чтоб не утратить навыков связной речи... Ничего удивительного в моем интересе к происходящему в лагере экспедиции нет. Я просто жажду общения так, как еще недавно хотел обладать собственным телом, видеть своими глазами и слышать своими ушами, чувствовать запахи и прикосновения, ощущать вкус еды и питья. Человек всегда хочет больше, чем имеет. Это заключено в самой его природе, а я как-никак все еще человек, пусть и... с особенностями. Конечно, всегда есть исключения, но они ведут либо к потере вкуса к жизни, либо к святости. К счастью, это не мой вариант.

Тряхнув головой, чтоб избавиться от несвоевременных мыслей, я дождался, пока очередной патруль пройдет в сотне шагов от меня, и, убедившись, что охранники удалились достаточно далеко, припустил вниз, в погружающуюся во тьму узкую долинку. Шел осторожно, но быстро и бесшумно. И нет, я совершенно не боялся выдать себя нечаянным звуком, благо адаптировавшееся к накатившей вечерней темноте зрение позволяло рассмотреть каждый камень и кочку на моем пути.

Перепрыгнув через бьющийся о каменные валуны ручей, я на миг замер на месте и, потянув носом воздух, довольно кивнул. А вот и нужное мне поле. Удачно! Еще час-другой — и красноголов раскроет бутоны цветов, и над долиной поднимется едва заметный серебристый туман, в котором будут тускло сиять алые лепестки этого ценного растения. Даже странно, какие причудливые вещи иногда порождает Тьма. Красивые, завораживающие... и это тем удивительнее, учитывая, что обычно ее порождения откровенно уродливы и противны. Про опасность я и вовсе молчу.

Кстати, об опасности. Красота цветения этого растения может стать последним, что я увижу в своей недолгой жизни, если не потороплюсь со сбором. Не хотелось бы оказаться в поле краснолового в момент раскрытия его налившихся алым цветом бутонов. Источаемый ими серебристый туман убивает любое живое существо в течение трех-четырех часов, если я правильно помню описание этого растения в бестиарии Дима. Так что любоваться этой красотой лучше со стороны... А сейчас перчатки на руки, сумку настежь и за работу.

Чем хорош красноголов, помимо красоты цветения, так это своей неприхотливостью в хранении, редкостью и простотой приготовления нескольких весьма полезных зелий. А самое главное, что эти самые зелья не требуют специальных условий содержания и стоят куда дороже, чем их аналоги, приготовленные без участия красноголового. В моих условиях просто идеальный товар для жителей приграничных поселений. Так что не халтурим, работаем, дорогой друг, работаем. Времени осталось не так много.

ГЛАВА 3

В лагере давно воцарилась тишина, разбавляемая лишь треском костра, редким всхрапыванием стреноженных скакунов да не менее редким тихим звяканьем амуниции бодрствующей стражи, охраняющей сон отряда. Впрочем, не всех. Два человека устроились в глубине пещеры у небольшого отдельного костерка и, грея руки о теплые бока кружек, вели тихую и неспешную беседу.

— Святой отец, — глава экспедиции говорил ровным, бесцветным тоном, но взгляд темных глаз выдавал его недовольство. — Мы не в освоенных землях, где Свет естественен и привычен. Здесь он как маяк в ночи, привлекает всех искаженных в радиусе нескольких километров.

— Не считайте меня идиотом, сударь Риман, — нахмурившись, перебил собеседника священник. — Я прекрасно все это знаю и без ваших лекций. Уж поверьте. И моих умений вполне достаточно, чтобы ограничить воздействие Света, не дав ему привлечь тварей. Или я пропустил их атаку?

Последние слова святой отец произнес с явной насмешкой.

— Гумпы... — заговорил было командир, но его вновь перебили.

— Если ваши люди не способны справиться с какими-то выдрами, это говорит лишь об их плохой выучке, — резко произнес священник.

— Я не хочу с вами ссориться, отец Торан, — все так же равнодушно глядя на собеседника, проронил глава экспедиции и, не закончив фразы, уставился на пляшущее пламя костра.

— Но... — приподнял бровь священник.

— Но вынужден буду самым скрупулезным образом отразить сегодняшние события в своем докладе, — все же договорил Риман.

— И что сделает ваше начальство? Пожурит меня? — криво усмехнулся священник, протягивая к огню руку. Лепесток пламени послушно прыгнул на его ладонь и затрепетал, обвиваясь вокруг пальцев. Отец Торан встряхнул рукой и огонь, сорвавшись с нее, потоком искр нырнул обратно в костер.

— Не в моих правилах обсуждать возможные действия начальства. Но в данном случае осмелюсь высказать предположение, что указанный мною факт *непременно* будет донесен им до сведения вашего начальства как очередное доказательство вашего нежелания выполнять принятые на себя обязательства, — произнес начальник экспедиции, явно ничуть не впечатленный демонстрацией собеседника. — И... вам виднее, какова будет реакция Его преосвященства на этот доклад.

— Что вы хотите? — буркнул священник, пожалуй впервые за все недолгое время совместного путешествия осознав, что его пребывание *при* экспедиции, а не в ее составе, вовсе не дает представителю Церкви неких ожидаемых им привилегий.

— Я? — делано удивленно произнес Риман. — Ровным счетом ничего... сверх оговоренного сотрудничества и всемерной поддержки, которую обещал нам Его преосвященство, волю которого вы должны исполнять.

Если еще пять минут назад отец Торан видел в командире экспедиции лишь недалекого служаку, то теперь... теперь он был вынужден пересмотреть мнение, сложившееся у него за два дня совместного похода по Пустошам. Риман оказался не только толковым и жестким командиром, держащим в ежовых рукавицах как своих собственных людей, так и нанятых проводников-ходовков, но и весьма наглой личностью, не испытывающей ровным счетом никакого пиетета перед Церковью. По крайней мере, перед одним конкретным ее представителем. Это стоило учесть... и доложить. Все же Его преосвященство не просто так отрядил в этот маленький поход именно Торана. Чем-то заинтересовала протопресвитера и сама экспедиция, и люди в ней участвующие.

— Вы действительно считаете, что стоит тревожить ваше командование и Его преосвященство таким... недоразумением? — медленно, взвешивая каждое слово, проговорил свя-

щенник, успев подметить острый взгляд, брошенный в его сторону собеседником.

— Недоразумением? — словно покатав на языке это слово, Риман качнул головой. — Недоразумения и впрямь не стоят того, чтобы доносить о них начальству. Командир — человек занятой, ему с каждой мелочью разбираться недосуг.

— Вот-вот, и я о том же, — подхватил отец Торан.

— А было ли недоразумение, святой отец? — все тем же спокойным тоном произнес командир экспедиции. — По-моему, дело обстояло несколько иначе. Я ведь еще до выхода из Горного довел до всех участников похода информацию о необходимости оставить в городе все светлые амулеты и, по совету ходоков, приказал вам ни в коем случае не призывать Свет в помощь, во время нахождения в Пустошах. Но не прошло и четырех суток, как вы нарушили мой приказ, да еще и довели дело до ссоры. Ходоки — люди свободолюбивые, их и так непросто держать в повиновении. Вы же одним своим «выступлением» не только умудрились настроить их против себя, но и слили в отхожую яму все мои усилия по притирке ходоков и моих людей. Они-то в большинстве своем выходцы из центральных провинций, и ваше слово в их глазах весит куда больше, чем утверждения каких-то «наемников». В результате неделя трудов насмарку. И все из-за одного очень своевольного священника, посчитавшего себя опытнее и умелее, чем люди, что не один десяток лет промышляют в этих местах.

— Недоразумение, недопонимание, — священник развел руками. — Я, видите ли, больше ученый, человек совершенно не военный, беспрекословное подчинение приказам для меня внове, потому и посчитал ваш запрет воззваний к Свету лишь заботой о надлежащей скрытности во время похода. Учитывая же собственные умения и знания, я был абсолютно уверен в своей способности скрыть от темных тварей любой из известных мне ритуалов. А уж такой простой, как «Познание места», и вовсе не должен был стать проблемой. Кстати, как показал ритуал, под холмом действительно находится довольно большое упорядоченное пространство, в котором чувствуются легкие эманации Тьмы. Я бы даже сказал, легчайшие следы ее присутствия. Полагаю, искажения не обошли стороной это место, несмотря на его изоляцию от внешней среды.

— Информация, конечно, интересная и полезная для нашей миссии, но... — Риман кивнул и, сделав короткую, но весьма выразительную паузу, договорил: — Святой отец, коль вы теперь знаете, чем может обернуться неисполнение моих указаний, впредь будьте любезны извещать о ваших затеях заранее.

— Обещаю, сударь Риман, — склонил голову священник. Отступить ведь не значит проиграть, не так ли? — Обещаю, что буду осмотрительнее и постараюсь не допустить повторения подобных эксцессов.

— Я рад, что мы смогли уладить это... недоразумение к обоюдному удовольствию, — откликнулся собеседник святого отца и, едва заметно кивнув, поднялся на ноги. — Спокойной вам ночи, отец Торан.

— И вам, сударь Риман. И вам, — пробормотал священник, провожая взглядом удаляющуюся прочь фигуру командира экспедиции.

Новость, выуженная мною из подслушанного ночного разговора между командиром отряда и святым отцом, несколько разочаровала. Я надеялся, что принятая мною «черная благодать» уже начала выдыхаться, а оказалось... И ведь если судить по замедлившимся темпам развития тела, я прав! Но тем не менее священнику хватило одного, простейшего, по его словам, ритуала, чтобы засечь эманации Тьмы под холмом, ставшим моим домом. А это значит, что, появившись я в своем нынешнем состоянии поблизости от любого храма, и меня спялят без всякого ритуала, сначала фигурально, а потом, скорее всего, и в самом прямом смысле этого слова. Плохо.

С такими невеселыми мыслями я закончил обработку добычи и завалился спать. А утром, после зарядки и завтрака, выбравшись на поверхность, чтобы понаблюдать за действиями гостей, оказался весьма обескуражен происходящим в лагере. На моих глазах отряд разделился на две неравные части. Одна из которых, бóльшая, осталась на месте обживать лагерь, при этом совершенно не интересуясь расположенным в пещере запертым входом в мое убежище, а вторая, меньшая часть под руководством командира банды ходоков явно намылилась продолжить свой поход по Пустошам. Такого я как-то не ожидал. Хотя если вспомнить давешнюю беседу Римана и отца Торана, то стоит отметить, что расстояние от Горного до

этих мест экспедиция преодолевала целых три дня, притом что компания Дима в свое время добралась сюда всего за несколько часов. А значит, шли они совсем другим маршрутом, то есть петляли по дороге сюда, как пьяный заяц. А теперь вот еще и отсылают добрую треть отряда дальше вглубь Пустошей, да, судя по снаряжению, не на один день. Зачем? Вывод может быть только один: база «Пятикрестника» — не основная цель их поиска... или вообще является лишь удобным местом для лагеря, из которого гостям сподручнее делать вылазки в Пустоши. Но последний вариант я, пожалуй, отброшу, как слишком оптимистичный. От такой радости у моей паранойи может и несварение случиться.

С таким странным заключением я и убрался в убежище, где забурился в учебный сектор и, выбросив из головы все лишние мысли, погрузился в изучение прошлого этого мира. Это не значило, что я собрался плюнуть на своих «гостей», вовсе нет. Просто подслушивать их разговоры куда проще по вечерам, когда уставшие за день люди предпочитают сидеть у костра и трепать языком, чем пытаться выловить обрывки коротких фраз, которыми они перебрасываются за работой, да и вечером риск нарваться на какого-нибудь востроглазого патрульного куда меньше. А после прослушивания новостей из большого мира можно будет и на охоту выбраться. В общем, благодаря команде поисковиков, устроившейся в пещере над убежищем, мой давно устоявшийся график претерпел серьезные изменения. Эх, как бы мне с такой сменой режима опять кошачьими глазками не обзавестись...

Неделя шла за неделей, поисковики возвращались в лагерь и снова уходили в Пустоши, а я так и не засек никакого интереса экспедиции или хоть одного из ее участников к моему убежищу. Зато ежевечерние подслушивания принесли неожиданные плоды. Обрывки интересной информации, изредка проскальзывавшие в болтовне «гостей», дополнялись сведениями, извлекаемыми мною из редких, но продолжительных бесед Римана и отца Торана, и постепенно рисовали все более полную картину.

Так, я с изумлением узнал, что поездка Дима со товарищи в эти места окончилась бойней у покинутого ими форта. Ниеман решил силой предотвратить расширение империи Нойгарда за счет освоения Искаженных земель и обломал зубы, несмотря на имевшуюся у него поддержку колдунов, в резуль-

тате чего еще и интердикт огреб на весь королевский домен. Но еще более удивительной стала новость о том, что мой бывший носитель за вовремя поданную информацию об осаде форта «Горный» получил титул. Это даже забавно. Только один бароненок на тот свет наладился, как его другой сменил. Впрочем, если я правильно понимаю происходящее, Дим, в отличие от Граммона, не стал заниматься ерундой, а твердо решил взяться за обустройство собственного владения, для чего и направил на разведку целую экспедицию. Да-да, мои «гости» не просто так шляются по окрестностям. Они, оказывается, заняты составлением карты земель, отведенных ново-явленному барону Гумпу. Кажется, скоро у меня здесь появятся соседи. По крайней мере, из бесед Римана и святого отца я уяснил, что пока лучшего места для постройки баронского замка, чем вот этот холм над Гумповой рекой, они не нашли. И я, наверное, с ними соглашусь. Пока пограничные форты отбиваются от приливов темных тварей, рвущихся на Свет возведенных там церквей, окрестности моего убежища действительно довольно спокойное место. Однако уже через четыре, максимум через пять лет граница устоит и искаженные поутихнут... что тогда будет твориться в этих местах — большой вопрос. Тем более что постройка замка не обойдется без возведения алтаря, а значит, здесь полыхнет Светом, на который рванут уже подуспокоившиеся твари.

Риман, правда, сказал, что Дим это понимает не хуже прочих, а потому хочет воспользоваться временным затишьем в этих местах для постройки полноценного замка и создания в нем запасов, рассчитанных на долгую осаду, а уж потом заняться установкой алтаря и освящением своего владения. Собственно, на эту тему командир экспедиции спорил с отцом Тораном чуть ли не каждые два-три дня. Священник бесился и чуть ли не рычал, утверждая, что возводить какие-либо постройки в Пустошах без освящения это все равно что самому строить жильё для исчадий Тьмы. Тогда как Риман своим флегматичным тоном возражал, дескать, литургия Света, проведенная в любом доме, начисто вымоет из него любые эманации Тьмы. «Вместе с искаженными хранителями дома», — едко парировал Торан, и спор разгорался по новой. Достали, честно говоря.

С другой стороны, благодаря тому спектаклю, что разыгрывали эти двое перед скучающими подчиненными, мне под

шумок удалось разжиться в лагере кое-какими нужностями. Особенно я радовался специям и кашам. Чуть-чуть гречки, чуть-чуть пшена и риса... как мало нужно некоторым для счастья, кто бы мог подумать!

Впрочем, была еще одна новость, и вот здесь я уже не знал, радоваться мне или огорчаться. Процесс изменений в моем теле, продолжая замедляться, вдруг выкинул фортель, на который я не сразу обратил внимание. А когда понял, что произошло, чуть не разбил лоб о стену. Со своим «сталкерством» я не учел, что в приспособлении к изменяющимся условиям мой организм может пойти не только «естественно-биологическим» путем. Тьма ведь допускает и колдовство со всякой мистикой. Так оно со мной и вышло на этот раз. Пока я придирчиво рассматривал себя в зеркале, и радовался тому, что моя ежевечерняя слезка за «гостями» не влияет на физическое тело, «черная благодать», до сих пор булькающая в моем организме, выкинула очередной фортель и теперь я — человек-невидимка! Ну, почти...

Оказавшись в тени, я исчезаю. Самым натуральным образом. Причем совершенно необязательно, чтобы тень укрывала меня полностью. Как показали многочисленные эксперименты, чтобы пропасть из виду, мне достаточно тени, размером хотя бы в половину квадратного метра. В сумерках же или ночью меня в принципе не видно, если я сам не хочу показаться. Иными словами, для того, чтобы раствориться в тени, мне нужно этого захотеть, а чтобы остаться видимым в сумерках или темноте, нужно, наоборот, НЕ хотеть исчезать. Здорово? Да ни чер... ни хрена! Каждое такое отличие — это очередной гвоздь-сотка в крышку моего гроба! И если чуть великоватые клыки можно списать на выверт природы, то способность исчезать на глазах у изумленной публики — это уже совсем другое дело. Тут от влияния Тьмы не отвертеться. Точнее, отвертеться можно только в том случае, если проверку будет проводить священник, а во мне к тому времени не останется и капли «черной благодати». Вот только жители империи, встречаясь с мистикой, не склонны терять время на поиски такого специалиста. Бегать же от крестьян с дреколем, которые порой и питомцев-полукровок, вроде тех же скакунов дядюшки Вола, прибить норовят, мне совсем не улыбается.

Остается только надеяться, что эти навыки тренируемые, и я не спалюсь с ними в освоенных землях. Не хотелось бы

оказаться на костре только потому, что, выйдя вечером из пивной, забыл остаться видимым и растворился на глазах собутыльников. М-да.

В общем, это было познавательное время. Весьма и весьма познавательное. Но в один прекрасный день мои гости собрали вещи и смылись. Случилось это аккурат в канун годовщины моего вселения в тело Пира Граммона. Такой вот подарок на день рождения. А я ведь уже привык к этой ораве под боком, можно сказать, почти сроднился с ними. Ну а как еще это можно назвать? Пусть за эти месяцы мы не перекинулись с ними ни словом, но я ведь их уже по голосам различал и даже родню многих участников экспедиции могу по именам перечислить!

И да, могу себя поздравить и выдать патент натуральной ниндзи, за все время проживания бок обок с «гостями» меня ни разу не засекали, хотя в последние недели я обнаглел настолько, что по вечерам, бывало, присоединялся к их посиделкам у костра. Чуть в стороне, правда и укрываясь тенью, но это был такой кайф! Сидеть в компании себе подобных, слушать подколки и байки, попивать горячий взвар, грея руки о толстые стенки кружки...

Риск? Был, конечно. То, что я могу исчезать из виду, вовсе не значит, что становлюсь бесплотным, так что на меня вполне можно было бы наткнуться в темноте, но, во-первых, я был достаточно внимателен, чтобы не допускать подобных ошибок, а во-вторых... я был согласен на этот риск. Боюсь, если бы не визит людей Римана, то к исходу года я просто рехнулся бы от одиночества, и никакая библиотека «Пятикрестника» не помогла. Ну и да, толика нездоровой наглости в моих действиях, конечно, была, но ведь все обошлось, не так ли?

Впрочем, по сравнению с заимствованием походных записей экспедиции для последующего их копирования на терминале в моем убежище посиделки за спинами «гостей», пожалуй, тянули на легкую шалость, не больше... особенно учитывая, что вернуть бумаги в походный бьювар главы экспедиции, я умудрился лишь за сутки до того момента, как отряд снялся с места и свалил в сторону Горного. Удачно вышло.

Эти дни стали для меня той отдушиной, что позволила без особых проблем дожить до того светлого момента, когда я почувствовал, что и сам могу убираться из этого склепа, в котором когда-то спасался от мировой катастрофы далекий пре-

док моего нынешнего вместилища, рыцарь Цепи Ордена Святого Креста Иерусалимского, сэра Грэхэм Монт.

Утром я поднялся и... поначалу даже не понял, что со мной не так. Сон слетел, будто его и не было, а я, охваченный самыми черными предчувствиями, рванул в ванную комнату, к большому настенному зеркалу. Застыв перед собственным отражением, всмотрелся в него, выискивая, чем еще мог «наградить» меня эликсир деда Вурма, но, не обнаружив ничего странного или непривычного, расслабиться и облегченно вздохнуть не торопился. Способность нырять в тень и исчезать из виду в темноте, тоже никак не отражалась на физическом теле...

Мне понадобилось добрых четверть часа, чтобы разобраться в собственных ощущениях и понять, что единственное отличие меня сегодняшнего — это ощущение какой-то странной легкости в теле и на душе. Словно скинул пару сотен килограммов груза со спины. С душой же... я чувствовал себя как будто умытым изнутри. Чистым-чистым, до скрипа и ослепительной белизны. Это непонятное ощущение даже немного напрягло. А когда до меня дошло, что в действительности означает мое нынешнее состояние, я не сдержал облегченного смеха, от которого, кажется, даже мхи в световых трубках под потолком засияли ярче. Это ж надо было так привыкнуть к постоянному присутствию Тьмы в теле, чтобы потратить столько времени на осознание простого факта: Ее больше нет! Ушла, истратилась, испарилась! Как говорил один странный персонаж из напрочь забытого мною фильма: «Добби свободен!»

Первым моим порывом было бросить все, схватить свои немудрящие пожитки и бежать прочь из этого склепа, но после завтрака, показавшегося удивительно вкусным, несмотря на то что тот состоял из уже набившей оскомину «выдрятины» и жалких остатков гречневой каши, я немного опомнился. Собираться-то, конечно, надо, но по уму! С чувством, с толком, с расстановкой. Зря я, что ли, почти целый год занимался добычей и обработкой ингредиентов? Их же все нужно перебрать, выбрать лучшие, упаковать... пересмотреть имеющиеся в наличии зелья и порошки, упаковать их надежнее, да и еды в дорогу прихватить не помешает. Это на лошадях, отсюда до Горного всего несколько часов рысью, а пешком... Да и возможный форс-мажор учитывать надо.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ЖИВЕЕ МЕРТВОГО	8
Часть вторая. ХОЧЕШЬ БЫТЬ СИЛЬНЫМ — БЕГАЙ	63
Часть третья. ХОЧЕШЬ БЫТЬ УМНЫМ — БЕГАЙ	117
Часть четвертая. ХОЧЕШЬ ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ — БЕГАЙ	171
Часть пятая. КЕСАРЮ — КЕСАРЕВО, СЛЕСАРЮ — СЛЕСАРЕВО	225
<i>Эпилог</i>	279